

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	
Юхнов — город, овеянный воинской славой (Публикация В.И. ПЛЯШКЕВИЧА) <i>Yukhnov is the city, covered with military glory (Publication V.I. PLYASHEVICH)</i>	2-я стр. обл.
ВОЕННЫЕ МУЗЕИ МИРА	
Королевский музей армии и военной истории в Брюсселе (Публикация С.П. СИДОРОВА) <i>Royal museum of army and military history in Brussels (Publication of S.P. SIDOROV)</i>	2-я стр. цв. вкл.
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
«Она хоть и мала, но она наша, советская, она полита нашим потом, нашей кровью, и мы её никогда и никакому врагу не отдадим». 70 лет десанту на «Малую землю» <i>"Although she is small, but it is ours, Soviet, it is poured with our sweat, our blood, and we will never give up any enemies". 70 years of landing on the "Small land"</i>	4-я стр. цв. вкл.
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
М.А. БОБРОВ, Г.Н. СЕРОШТАНОВ — Совершенствование подготовки авиационных кадров в 1945—1990 гг. <i>M.A. BOBROV, G.N. SEROSHTANOV — Improvement of aviation personnel's training in the years of 1945–1990</i>	3
ВОЕННАЯ РЕФОРМА	
С.Н. РУДНИК — Первый призыв на военную службу на основе всеобщей воинской повинности в России <i>S.N. RUDNIK — The first call-up on the basis of universal military service in Russia</i>	10
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	
Н.Е. РОГОЖКИН — Войска НКВД в Сталинградской битве и обороне Кавказа <i>N.Ye. ROGOZHNIK — NKVD troops in the battle of Stalingrad and the defence of the Caucasus</i>	15
М.Ю. КРЫСИН — Крах «легиона Плехавичюса». Из истории коллаборационизма в Литве <i>M.YU. KRYSIN — The collapse of "Plekhavichyus' legion". From the history of collaboration in Lithuania</i>	21
К.А. НАСОНОВ — Пенсионное обеспечение военнослужащих Красной армии и членов их семей в годы Великой Отечественной войны <i>K.A. NASONOV — Pension system of the Red army's servicemen and their families during the Great patriotic war</i>	26
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	
Л.В. МИЛОВАНОВА — «Истинная же смелость... в том, что долг человеку предписывает». Создание и развитие воспитательной системы в кадетских образовательных учреждениях <i>L.V. MILOVANOVA — "The true courage means that the man's duty requires." Creation and development of the educational system in the cadet educational institutions</i>	29
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
В.А. ЗУБАЧЕВСКИЙ — Сотрудничество Красной армии и рейхсвера в 1920-е годы <i>V.A. ZUBACHEVSKY — Cooperation of the Red army and the Reichswehr in the 1920s</i>	33
Ю.В. БАСЕНКО — Россия и Мальтийский орден в 1697—1817 гг. <i>Yu.V. BASENKO — Russia and the Malthusian order in the years of 1697–1817</i>	38
ШЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»	
Н.Н. ПЛАТОШКИН — «Широкие грабли» против УПА <i>N.N. PLATOSHNIK — "Wide rake" against the UPA</i>	44
ИЗ ИСТОРИИ ФОРТИФИКАЦИИ	
Э.Л. КОРШУНОВ, С.В. КОСОБУКИН, А.А. МИХАЙЛОВ — «Зело нужно, дабы офицеры знали инженерство» <i>E.L. KORSHUNOV, S.V. KOSOBUKIN, A.A. MIKHAYLOV — "It is exceedingly necessary for the officers to know engineering specialties"</i>	47
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ	
Х.М. АБДУЛЛИН — «Выбор этого города отвечал всем стратегическим соображениям» <i>H.M. ABDULLIN — "The choice of this city fit the strategic reasons"</i>	51
ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА	
А.И. ГЕРГИЛЕВА — «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России <i>A.I. GERGILEVA — "Many millions of people have been pulled out with the war from their habitual environment". The Czechoslovak Corps and prisoners of World War I in Russia</i>	54
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО	
А.В. МАТИСОН — «Отослан в армию в полки». Военные священнослужители—тверичи в XVIII веке <i>A.V. MATISON — "They have been sent to the army's regiments". Military chaplains from the city of Tver' in XVIII</i>	61
А.С. КОРОБЕЦ — «Голод, разруха, восстание имущих классов, с одной стороны, и иноземные разбойники — с другой...». Партийные мобилизации в Красную армию в 1918—1920 гг. (по архивным документам Вятской губернии) <i>A.S. KOROBETS — "Famine, destruction, rebellion of the propertied classes, on the one hand, and the foreign robbers, on the other...". Party mobilizations to the Red Army in 1918–1920 (from archive documents of the Vyatka province)</i>	63
ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ	
М.Ю. МАКАРОВ — «Страх посещал его редко, а риск был его стихией» <i>M.Yu. MAKAROV — "Fear visited him rarely, and risk was his element"</i>	66
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
В.Н. БУРДУН, А.А. КЛЮШКИН — Официальные источники начала XX века об участии кубанского казачества в Русско-японской войне 1904—1905 гг. <i>V.N. BURDUN, A.A. KLYUSHKIN — Official sources dated by the early XX century on the Kuban cossacks' participation in the Russian-Japanese war of 1904–1905</i>	75
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
Взятие древнего владения Рюриковичей — крупнейший успех Ивана Грозного в Ливонской войне. 450 лет взятию Полоцка русскими войсками <i>Seizure of the ancient possession of the Rurikids as a biggest success of Ivan the Terrible in the Livonian War. 450 years after taking of Polotsk by the russian troops</i>	3-я стр. обл.
70 лет учреждению медали «Партизану Отечественной войны» <i>70 years of establishment of the medal "To the partisan of the Patriotic War"</i>	4-я стр. обл.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ АВИАЦИОННЫХ КАДРОВ В 1945–1990 гг.

Аннотация. Статья посвящена совершенствованию подготовки авиационных кадров в Вооружённых Силах СССР в период с 1945 по 1990 год.

Ключевые слова: авиация; ВВС; подготовка кадров; военно-учебные заведения; комплектование ВВС.

Summary. The article is dedicated to improving the training of aviation personnel in the Armed Forces of the USSR from 1945 to 1990.

Keywords: aviation; Air Force; personnel training; military institutions; manning of the Air Force.

ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ часть лётного и инженерно-технического состава, проходившая службу в первые послевоенные годы в советских ВВС, в ходе боевых действий получила бесценный боевой опыт, но в силу специфичности и срочности подготовки в военных образовательных учреждениях не имела необходимых теоретических и военных знаний. Развитие средств вооружённой борьбы и многообразные изменения в организационной структуре советских Вооружённых сил в послевоенные годы влекли за собой уточнения в положениях военного искусства, что, соответственно, диктовало необходимость совершенствования системы подготовки командных кадров для Военно-воздушных сил. Поступление на вооружение отечественной военной авиации реактивной техники, ракетно-ядерного оружия огромной поражающей мощи потребовало значительного повышения уровня общего и специального образования авиационных начальников, лётчиков, инженеров и техников, повышения их моральных, боевых и психологических качеств.

Специфика комплектования такого сложного, насыщенного самой современной техникой вида Вооружённых сил, как ВВС, состояла в том, что в военной авиации среди личного состава традиционно был велик процент офицеров. Кроме того, после Великой Отечественной войны в авиационных частях и соединениях появилась устойчивая тенденция к росту удельного веса инженеров и техников. Так, если в авиационном полку 1950 года инженеры и техники составляли около 43 проц. всего офицерского состава, то к середине 60-х годов — свыше 56 проц. Во фронтовой авиации к началу 70-х годов по сравнению с серединой 50-х годов количество офицеров-техников увеличилось на 25 проц.¹; значительно возросло и число инженерных должностей. Большое значение имел и уровень подготовки младших авиационных специалистов, штат которых комплектовался в основном военными срочной службы.

С октября 1945 года до середины 50-х годов обучением авиаторов в СССР занималось более 40 военно-учебных заведений. Сразу же после окончания войны авиационные вузы перешли от ускоренной к планомерной и чётко организованной системе подготовки кадров.

Сроки обучения в Военно-воздушной Краснознамённой академии (ВВА с августа 1946 г.)* увеличились до 3—4 лет, в инженерных академиях — до 5 лет 8 месяцев. При ВВИА имени профессора Н.Е. Жуковского был создан радиотехнический факультет, а при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова — авиационный.

Совершенствовалось обучение и в авиационных училищах и школах. В середине 1946 года на саратовском авиазаводе № 292 в серийное производство был запущен учебно-тренировочный истребитель Як-11 (Як-ЗУТИ). Принятие на вооружение этого самолёта позволило уйти от так называемой двухступенчатой системы подготовки лётчиков. Як-11 заменил давно устаревшие биплан У-2 (По-2) и УТИ-4 (двухместный вариант И-16), которые не позволяли осуществлять полноценную подготовку пилотов для скоростных машин того времени, поэтому выпускников лётных школ приходилось доучивать в запасных авиаполках (зап), где бывшие курсанты осваивали новую технику на двухместных вывозных истребителях Як-7В, Як-9В и Ла-7УТИ.

Такая система значительно замедляла учебный процесс, а использование в качестве летающих тренажёров двухместных боевых истребителей обходилось слишком дорого. Як-11 как нельзя лучше подходил для новой системы подготовки в лётных школах, позволяя их выпускникам сразу, минуя зап, садиться в кабины боевых машин. Этот весьма удачный учебный истребитель дал путёвку в небо тысячам советских военных лётчиков, а также многим их коллегам из стран Варшавского договора и целого ряда других государств.

Поступление на вооружение реактивных самолётов потребовало разработки принципиально новой методики лётного обучения. Поэтому в 1948 году был разработан и утверждён Курс учебно-лётной подготовки (КУЛП) курсантов училищ истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации, а также методическое пособие к нему. Уже в 1951 году в Качинском училище лётчиков было обучено технике пилотирования на реактивном истребителе МиГ-15 первое звено курсантов. На собственной учебно-лётной базе в поселке Монино проходили лётную практику слушатели ВВА. Для этих целей использовалась учебная авиационная дивизия, имевшая на вооружении различные типы поршневых самолётов: истребители, штурмовики и бомбардировщики. В 1951—1952 гг. полки дивизии были перевооружены на реактивные самолёты МиГ-15 и Ил-28.

Для подготовки авиационных инженеров в высшие училища были преобразованы Ленинградские Краснознамённые авиационно-технические курсы усовершенствования, 2-е Ленинградское Краснознамённое авиационно-техническое училище и Харьковское военное авиационно-техническое училище. В 1951 году было создано Киевское высшее радиотехническое училище. Срок обучения в средних авиационно-технических училищах был установлен 2 года.

Значительная часть лётного и инженерно-технического состава ВВС, продолжавшая прохо-

* Ныне ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина».

ПЕРВЫЙ ПРИЗЫВ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ НА ОСНОВЕ ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ

Аннотация. Автор анализирует ход и проблемы первого призыва, проведённого по принятому в 1874 году Уставу о воинской повинности.

Ключевые слова: Российская империя; военная реформа; всеобщая (всесословная) воинская повинность; призыв на военную службу.

Summary. The author analyzes the course and problems of the first call-up conducted according to the Charter of military service adopted in 1874.

Keywords: Russian Empire; military reform; universal (all-estate) compulsory military service; enlistment.

ОДНИМ из центральных элементов военных реформ 1860—1870 гг. в России был переход от рекрутского набора к всеобщей (всесословной) воинской повинности, введённой манифестом Александра II от 1 (13 по новому стилю) января 1874 года. В тот же день император утвердил Устав о воинской повинности и подписал Указ Правительствующему сенату, которым ввёл его в действие. Статья 1 устава гласила: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности»¹. Призывной возраст был установлен в 21 год, запрещены замена призываемого охотником (желающим) и денежный выкуп (приобретением рекрутских квитанций), как это было ранее.

Новая система обеспечивала планомерное пополнение вооружённых сил и подготовленные резервы на случай войны. Был установлен общий срок службы в сухопутных войсках — 15 лет, из них 6 — на действительной службе и 9 в запасе. Исключение составили войска Туркестанского военного округа и расположенные в Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской областях, где эти сроки были такими же, как во флоте, — 10 лет, из них 7 — на действительной службе и 3 года в запасе. Впоследствии сроки действительной службы неоднократно менялись.

Всё мужское население, не состоявшее на военной службе, но способное носить оружие, от призывного до сорокалетнего возраста, включая уволенных из запаса армии и флота, зачислялось в государственное ополчение.

Устав освобождал от воинской повинности священнослужителей всех христианских вероисповеданий, а также от действительной службы — обладателей степени доктора медицины или лекаря, магистра ветеринарных наук или фармации либо ветеринара, если по уставам заведений, в которых получили образование, они не подлежали обязательной службе в военном ведомстве; пансионеров Императорской Академии художеств, отправленных за границу на казённый счёт для усовершенствования; преподавателей и воспитателей учебных заведений, которые правительство содержало или утвердило их уставы; шкиперов, штурманов и управлявших судовыми машинами инженеров-механиков мореходных торговых судов, плававших под русским флагом; лоцманов и лоцманских учеников. Со временем этот перечень претерпевал изменения².

Согласно Указу Правительствующему сенату действие устава не распространялось (временно или постоянно) на представителей народов Средней Азии, Севера, Сибири, Северного Кавказа и Закавказья. Кроме того, освобождались от воинской повинности по три члена семей (сыновей и родных внуков) погибших «за верность престолу и закону» во время Польского восстания 1863—1864 гг., а также некоторые железнодорожные служащие³.

Были предусмотрены отсрочки от призыва учащимся для окончания образования, ограниченные по возрасту в зависимости от вида учебного заведения — от 22 до 28 лет.

Для образованной молодёжи устанавливались сокращённые сроки действительной службы и увеличенные — в запасе. Они составляли соответственно: для окончивших университеты и другие

Первая страница Устава о воинской повинности

На подлинномъ Собственно ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
рукою написано :

Въ С.-Петербургѣ
1-го Января 1874 г.

« БЫТЬ ПО СЕМУ ».

УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ.

ГЛАВА I.

Положенія общія.

1. Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности.
2. Денежный выкупъ отъ воинской повинности и замѣна охотникомъ не допускаются.
3. Лица мужскаго пола, имѣющія отъ роду болѣе пятнадцати лѣтъ, могутъ быть увольняемы изъ русскаго подданства лишь по совершенномъ отбытіи ими воинской повинности, или же по вынужденіи жеребья, освобождающаго ихъ отъ службы въ постоянныхъ войскахъ.
4. Въ случаѣ перехода на жительство въ мѣстности Имперіи, въ которыхъ воинская повинность отправляется по особымъ положеніямъ, лица, имѣвшія при этомъ болѣе пятнадцати лѣтъ, отбываютъ сію повинность на общемъ основаніи.
5. Вооруженныя силы государства состоятъ изъ постоянныхъ войскъ и ополченія. Сіе послѣднее созывается лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени.
6. Постоянныя вооруженныя силы состоятъ изъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ.

ВОЙСКА НКВД В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ И ОБОРОНЕ КАВКАЗА

Аннотация. В статье на основе документальных источников и архивных документов показана деятельность командования войск НКВД, особенности применения личного состава и примеры героизма военнослужащих войск в Сталинградской битве и при обороне Кавказа в 1942—1943 гг.

Ключевые слова: войска НКВД; Сталинградская битва; 10-я стрелковая дивизия НКВД; оборона Кавказа; Северная группа войск; Закавказский фронт.

Summary. On the basis of documentary sources and archival documents it is shown the activities of the NKVD troops' command, the features of the personnel's using and the examples of heroism of servicemen and troops in the Battle of Stalingrad and the defence of the Caucasus in 1942—1943.

Keywords: NKVD troops; Battle of Stalingrad; 10th rifle division of the NKVD; defence of the Caucasus; Northern Group of troops; Transcaucasian front.

Внутренние войска, которые в годы войны входили в состав НКВД и не предназначались для ведения боевых действий, с первых же дней Великой Отечественной войны вступили в противоборство с превосходящими силами противника. Приграничные сражения, оборона Ленинграда, Одессы, Киева, Воронежа — таков неполный перечень сражений, в которых они приняли участие. Одной из героических страниц истории внутренних войск является их участие в Сталинградской битве и обороне Кавказа, ставших началом коренного перелома в ходе не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны.

ЛЕТОМ 1942 года на южном крыле советско-германского фронта была развёрнута наиболее крупная группировка немецких войск — группы армий «А» и «Б», предназначавшаяся для захвата нефтеносных районов Кавказа и сельскохозяйственных районов Кубани и Дона, а также коммуникаций со Средним Востоком. Достичь этих целей германское командование планировало путём последовательного уничтожения войск Юго-Западного и Южного фронтов в большой излучине Дона, выхода на Волгу, овладения районом Сталинграда и захвата Кавказа. Для наступления на сталинградском направлении из состава групп армий «Б» выделялась 6-я армия под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса.

На первом этапе Сталинградской оборонительной операции (17 июля — 23 августа 1942 г.) участие внутренних войск в боях носило эпизодический характер. Они в основном обеспечивали поддержание установленного прифронтового режима, вели борьбу с вражеской агентурой и просачивавшимися мелкими группами противника, обороняли переправы и мосты¹.

С 23 августа 1942 года оборону на ближних подступах к Сталинграду заняли части войск НКВД: пять полков 10-й стрелковой дивизии НКВД, 249-й конвойный полк, 91-й полк по охране железных дорог, 73-й отдельный бронепоезд и 178-й полк по охране особо важных предприятий промышленности.

Основу гарнизона Сталинграда составляла 10-я стрелковая диви-

зия НКВД (командир — полковник А.А. Сараев), сформированная в феврале 1942 года. В её состав были включены в основном уже укомплектованные стрелковые части. Первым в Сталинград прибыл 272-й полк (командир — майор Г.П. Савчук), сформированный в Омске в январе 1942 года. 271-й полк (командир — майор А.П. Костеницын) прибыл из Свердловска. Непосредственно в Сталинграде были сформированы 269-й (командир — подполковник И.И. Капранов) и 270-й (командир — майор А.К. Журавлёв) стрелковые полки (сп). В середине августа 1942 года дивизия пополнилась 282-м стрелковым полком (командир — майор М.Г. Грущенко), прибывшим из Саратова.

В период с 10 по 23 августа 1942 года основные усилия дивизии были направлены на инженерное оборудование позиций и районов расположения войск. С этой целью были построены 14 оборонительных районов. На окраинах и в черте Сталинграда были отрыты противотанковые рвы, установлены минные заграждения, построены баррикады и сооружены другие препятствия².

Германское командование планировало овладеть городом путём нанесения одновременных ударов 6-й полевой и 4-й танковой армий по сходящимся направлениям. Превосходя советские войска в орудиях и миномётах более чем в 2 раза, в танках в 4 раза и в самолётах в 2 раза, противник с 15—17 августа начал наносить удары по внешнему кольцу обороны города.

23 августа немецкая 16-я танковая дивизия 14-го танкового корпуса после мощной артиллерийской и авиационной подготовки вышла на северную окраину города. Целью наступления противника являлся Сталинградский тракторный завод, который продолжал выпускать свою продукцию — танки. Для противодействия противнику подступы к заводу были укреплены и усилены 282-м полком 10-й стрелковой дивизии, а также отрядами народного ополчения и истребительными батальонами.

Левый фланг обороны Сталинградского тракторного завода удерживали подразделения 249-го конвойного полка (командир — подполковник Ф.И. Братчиков), которые не только оборонялись, но и постоянно контратаковали. Так, в результате контратаки на высоты 135,4 и 144,2, находившиеся в полосе обороны наших войск и захваченные противником, подразделения полка были уничтожены 2 роты автоматчиков, 3 миномётные батареи, 20 автомашин³. До 2 сентября подразделения внутренних войск удерживали высоты и отражали натиск противника, давая возможность развернуться и вступить в бой подошедшим подкреплениям.

В сентябре перед советскими войсками, оборонявшими Сталинград, встала новая задача — не допустить прорыва немецких войск к центральной части города. Согласно решению областного комитета ВКП(б) и городского комитета обороны 29 августа 1942 года в Сталинграде была проведена мобилизация населения, в ходе которой 1245 человек пополнили ряды 270-го и 272-го полков 10-й дивизии⁴. К этому времени 10-я дивизия была усилена тремя полками реактивной артиллерии по 20 боевых установок в каждом, артиллерийскими и противотанковыми средствами для борьбы с бронетехникой противника. Артиллерия была придана и стрелковым полкам: 282 сп — 1186-й артиллерийский полк, 272 сп — 416-й истре-

КРАХ «ЛЕГИОНА ПЛЕХАВИЧЮСА»

Из истории коллаборационизма в Литве

Аннотация. Автор анализирует причины краха всеобщей мобилизации в Литве в 1944 г., для проведения которой германская оккупационная администрация при содействии местных коллаборационистов использовала формирование Литовского территориального корпуса.

Ключевые слова: Литва; германские оккупационные власти; всеобщая мобилизация; Литовский территориальный корпус.

Summary. The author analyzes the reasons for the collapse of general mobilization in Lithuania in 1944, for which the German occupation administration, with the assistance of local collaborators, used the formation of the Lithuanian territorial corps.

Keywords: Lithuania; German occupation authorities; general mobilization; Lithuanian territorial corps.

ФОРМИРОВАНИЮ в 1944 году Литовского территориального корпуса¹, который по имени его командира именовали также «легионом Плехавичюса»², предшествовал ряд событий. В середине октября 1943 года Литовский штаб партизанского движения (ШПД) сообщал, что немцы в дополнение к частям литовской полиции и «самообороны» (полицейских категории «С») планировали создать «специальную часть в количестве 3000 человек для борьбы с партизанским движением», которая, судя по воззванию главы литовского самоуправления генерала П. Кубилиюнаса, должна была использоваться только в Литве³.

В связи с ростом партизанского движения 22—24 ноября в Каунасе по инициативе Кубилиюнаса прошли заседания созданного в апреле 1943 года для поддержки мобилизации так называемого Совета представителей литовского народа с участием чиновников немецкой оккупационной администрации — так называемого генерального комиссариата «Литва», представителей общественности и литовских офицеров. Была принята резолюция о том, что для борьбы с большевизмом необходимо создание литовских национальных вооружённых сил как единого формирования, которое должно было достичь размеров корпуса⁴.

25 ноября 1943 года оккупационные власти по инициативе Кубилиюнаса организовали митинги в Каунасе и Вильнюсе, чтобы привлечь на свою сторону литовских националистов⁵, ряд которых заявили о готовности поддержать мобилизацию при условии провозглашения независимости Литвы. «Циркулируют слухи, что немцы готовят какую-то комбинацию в этом направлении», — сообщил в Москву Литовский ШПД⁶. Вскоре из газеты литовских националистов «Nepriklausoma Lietuva» («Независимая Литва») стало из-

вестно, что представители националистов вручили немецкому коменданту Литвы генерал-майору Э. Юсту меморандум по этим вопросам⁷.

Немцы развернули активную кампанию запугивания населения Литвы тем, что с приходом Красной армии якобы будет учинена расправа над населением. Партизанское командование отмечало, что эта пропаганда влияла даже на ту часть населения,

которая не поддерживала немцев⁸. Германские власти заявили о скором создании некоего «литовского воинского соединения» и начали мобилизацию призывников 1913—1926 гг. рождения. По Литве прокатилась волна облав на уклонявшихся от призыва и дезертиров⁹.

Идея создания Литовского территориального корпуса (ЛТК) принадлежала главе литовского самоуправления П. Кубилиюнасу.

Карикатура на П. Плехавичюса «Пособник оккупантов — палач литовского народа». Цифры у следов окровавленных ладоней напоминают о его деяниях — подавлении революционного движения в 1919 г. и военном перевороте 1926 г. Надпись на лезвии «Новая процедура» указывает на цели создания гитлеровцами и коллаборационистами формирования под командованием Плехавичюса
Художник С. Жукас, 1943 г.

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена проблеме пенсионного обеспечения военнослужащих Красной армии и членов их семей в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение; семьи военнослужащих; инвалиды войны; финансовое управление; потеря кормильца.

Summary. The article deals with the pension system of the Red Army's servicemen and their families during the Great Patriotic War.

Keywords: pension system; military families; war invalids; finance administration; loss of breadwinner.

УСЛОВИЯ, нормы и порядок пенсионного обеспечения военнослужащих Красной армии и их семей в СССР во время Великой Отечественной войны определялись принятыми органами государственной власти и военного управления указами, постановлениями, приказами, директивами, распоряжениями и инструкциями. Пенсии в большинстве случаев обуславливались инвалидностью лиц, полученной в результате ранений, увечий и заболеваний, связанных с пребыванием на фронте, или гибелью лиц и пропажей без вести. В советском законодательстве учитывались особенности военной службы в боевой обстановке и поэтому предусматривались специфические меры и способы пенсионного обеспечения, гарантировалась защита прав и интересов военнослужащих и их семей.

Ещё до войны постановлениями СНК СССР 1940 года от 16 июля № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям» и от 12 ноября № 2291 «О дополнении постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г.» был установлен порядок пенсионного обеспечения военнослужащих рядового и сержантского состава по призыву и их семей. Эти категории военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранений, контузий или увечий, полученных в боях при защите Родины, при исполнении иных обязанностей военной службы, а также вследствие заболеваний на фронте, являвшихся до призыва на военную службу рабочими или служащими, обеспечивались пенсией в размерах в зависимости от групп инвалидности (от 50 до 100 проц. среднемесячной зарплаты).

Семьи погибших на фронте получали право на пенсию в раз-

мере от 35 до 60 проц. их среднемесячной зарплаты. Это право распространялось также на семьи без вести пропавших. Семьям военнослужащих, у которых заработная плата была невысокой, пенсии начислялись в твёрдых ставках. Если военнослужащие рядового состава становились инвалидами вследствие несчастных случаев, не связанных с пребыванием на фронте, пенсии назначались им в размерах, установленных в порядке социального страхования рабочих и служащих от общих заболеваний, но с предоставлением льгот в том случае, если они не имели необходимого для назначения пенсии стажа работы или не работали до призыва на военную службу в качестве рабочих или служащих. Военнослужащим и их семьям, проживавшим в сельской местности и связанным с сельским хозяйством, пенсии назначались в размере 80 проц. от назначенной суммы¹.

Постановлением СНК СССР от 5 июня 1941 года № 1474 «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям» предусматривались пенсии за выслугу лет и по инвалидности, а семьям — по случаю потери кормильца или выходное пособие. Пенсии за выслугу лет офицерам и сверхсрочным служащим устанавливались при наличии не менее 25 лет выслуги. При этом один месяц службы в войсках действующей армии засчитывался за три. Пенсии и пособия семьям умерших, погибших или пропавших без вести офицеров и сверхсрочных служащих определялись в зависимости от количества нетрудоспособных в семье, причины смерти военнослужащего и размеров его

прежнего денежного содержания. Таким образом, существенно повышалось социальное обеспечение указанных категорий граждан².

Постановлением СНК СССР от 5 июня 1941 года № 1475 был утверждён «Перечень специалистов рядового состава сверхсрочной службы Красной Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск, имеющих право на пенсии и пособия» согласно постановлению СНК СССР за № 1474³.

Уже 25 августа 1941 года директивой начальника Главного управления кадров НКО СССР генерал-майора А.Д. Румянцева № ГУК 7/45/2508 был установлен порядок оформления пенсий отделами кадров военных округов семьям лиц начальствующего состава, погибших в боях против немецко-фашистских захватчиков. Назначение пенсий производилось на основании выписок из приказов по Главному управлению кадров НКО СССР, Управлению кадров ГлавПУ РККА (Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии), Управлению кадров Главного управления Военно-воздушных сил и Главного санитарного управления Красной армии об исключении погибших из списков личного состава РККА в связи со смертью. Выписки из приказов рассылались в отделы кадров округов, которые в свою очередь отправляли соответствующие распоряжения районным военным комиссариатам по месту жительства семей. Пенсии назначались согласно тем должностям, которые занимали погибшие на момент смерти, даже если они и не были на них утверждены документально⁴.

В тех случаях, когда отделам кадров не были известны последние должности погибших, впредь до получения данных о них на-

«ИСТИННАЯ ЖЕ СМЕЛОСТЬ... В ТОМ, ЧТО ДОЛГ ЧЕЛОВЕКУ ПРЕДПИСЫВАЕТ»

Создание и развитие воспитательной системы
в кадетских образовательных учреждениях

Аннотация. В статье исследуется исторический опыт по созданию отечественного кадетского образования.

Ключевые слова: кадетское образование; детские военно-учебные заведения; учебный и воспитательный процесс; формы, методы и средства обучения и воспитания.

Summary. This article examines the historical experience in developing domestic cadet education.

Keywords: cadet education; children's military schools; training and educational process; forms, methods and means of training and education.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ элемент в системе кадетского образования занимает важнейшее место, так как на нём основывается весь процесс обучения будущих командиров, военачальников, государственных деятелей. Правовые основы столь важного процесса были заложены без малого три века тому назад с созданием (1731 г.) первого кадетского корпуса в России. В Уставе юношеского военно-учебного заведения (вуза), утверждённого императрицей Анной Иоанновной, наставникам вменялось в обязанность «иметь над кадетами раздельное смотрение»¹. Более тридцати лет спустя (1765 г.) вступивший в должность главного директора вуза (Сухопутного шляхетского кадетского корпуса) И.И. Бецкой приступил по велению царствовавшей в то время Екатерины II к составлению нового свода «кадетских правил» для воспитания и обучения «благородного российского юношества»². При этом императрица считала, что «главное достоинство наставления детей» наряду с другими положениями заключается «в добронравии непрерывном», «в истреблении горячности сердца, пустого опасения, боязливости и подозрения», а «истинная же смелость состоит в том, чтобы пребывать в том, что долг человеку предписывает». В ответ Бецкой высказал и своё мнение: «Прежде корпус готовил только исправных офицеров, а Вы желаете, чтобы он был училищем и знатных граждан, и отечеству бы сугубую пользу приносил; для этого надобно не токмо науки и художества умножать, но и вкоренить добронравие и любовь к трудам, новым воспитанием новое бытие нам даровать и новый род подданных произвести». Сподвижник Екатерины II и

представитель передовых взглядов в деле обучения и воспитания, он считал, что обособленный подход к малолетним в учреждениях интернатного типа в течение 15 лет «с просвещёнными преподавателями и подготовленными воспитателями» может способствовать подготовке молодёжи к службе Отечеству как на военном, так и на гражданском поприще³. Его идеи, поддержанные государыней, и стали основой создававшейся в XVIII веке системы кадетского воспитания, сохранившись до настоящего времени. Их поддерживали и развивали последователи Бецкого генерал-адъютант граф Ф.Е. Ангальт, генерал-поручик М.И. Кутузов, генерал-поручик И.И. Шувалов, генерал от инфантерии граф П.А. Зубов, адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов, генерал-майоры М.И. Мордвинов и П.И. Меллисино и другие просвещённые деятели.

Постепенно с развитием кадетского образования, созданием в XIX веке сети соответствующих корпусов, а также постоянных органов управления и руководства ими стали приниматься и необходимые нормативные правовые акты, например «Устав для военно-учебных заведений» и общее к нему «Положение» (апрель 1830 г.)⁴. Две начальные части первого из них посвящены подробной регламентации воспитания и правового обучения в кадетских корпусах⁵. Во главу угла здесь были поставлены задачи воспитания, цель которого — сделать «воспитанников добродетельными и благочестивыми» с чувством долга перед Отечеством, беспредельной преданностью государю и повиновением начальству, нежной почтительностью к родителям, уважением к старшим, благодарностью и любовью к ближнему⁶. Давались и необхо-

димые рекомендации. К примеру, указывалось на обязательность формирования у подопечных таких нравственных качеств, как власть над собою, стремление к усовершенствованию, готовность помогать ближнему, любовь к порядку, честность, бескорыстие, правдолюбие, твёрдость духа, неустрашимость и скромность. Кроме их развития, средствами к достижению поставленной цели должно служить соответствующее «образование ума» воспитанников (соревнование, честолюбие, выбор чтения, беседы и увещевания, наказания и награждения). Причём наставники должны прибегать к наградам и взысканиям «со всевозможной разборчивостью», соблюдая строгую справедливость и соразмерность как со степенью достоинства или виновности, так и с намерением, которое служило побуждением к данному поступку. Важно, чтобы все приказания и запрещения воспитателей определялись «по сущей необходимости для действительной пользы воспитанников, которые затем уже обязаны исполнять их совершенно и постоянно»⁷.

Отдельно выделялось физическое воспитание, направлявшееся на «сбережение и подкрепление здоровья, развитие и совершенствование телесных сил и способностей»⁸. Для достижения этой цели были сформулированы основные требования жизни, быта, отдыха кадета⁹.

Особое внимание в Уставе обращалось на неразрывную связь образования и воспитания. В известном по тому времени издании подчёркивалось, что «все качества достойного человека кратно изъяснить можно следующими словами: военные достоинства, просвещение, нравственность»¹⁰. Именно по такому принципу строился воспитательный и

СОТРУДНИЧЕСТВО КРАСНОЙ АРМИИ И РЕЙХСВЕРА В 1920-е ГОДЫ

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассматриваются отдельные аспекты военно-политического сотрудничества СССР и Германии в 1920-е годы.

Ключевые слова: СССР; Красная армия; Германия; рейхсвер.

Summary. On the basis of archival documents some aspects of political-and-military cooperation between the USSR and Germany in the 1920s are shown.

Keywords: USSR; Red Army; Germany; Reichswehr.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ситуация 1920-х годов требовала осторожности. В.И. Ленин 28 августа 1922 года писал генеральному секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину: «С Германией теперь надо быть “мудрым аки змий”. Ни слова лишнего. Не “дразнить” зря ни Франции, ни Англии»¹. Вместе с тем даже в Наркомате иностранных дел (НКВД) были противоречия: нарком Г.В. Чичерин считал, что Рапалло закончило «триумф победителей» в мировой войне, а замнаркома М.М. Литвинов видел в Рапальском договоре только прагматическую цель — дипломатические отношения с Германией².

В Германии в ноябре 1922 года после отставки правительства был сформирован так называемый деловой кабинет во главе с В. Куно³, в который вошли ряд реакционных политиков. Послом в Москве стал граф У. фон Брокдорф-Ранцау, писавший незадолго до своего назначения: «Военные эксперименты в России и с Россией сегодня бессмысленны»⁴. Он считал: «Сект (генерал Х. фон Сект, начальник управления сухопутными войсками, фактически главнокомандующий рейхсвером⁵ в 1920—1926 гг. — **В.З.**) и его люди питают иллюзию, что сегодня возможна “политика Бисмарка”. Но Россия больше не империя Александра I и Николая I»⁶. Однако после начатой Куно «политики катастроф» (курса против Версальского договора, на достижение моратория на выплату репараций, который привёл к оккупации Рура Францией, Бельгией и обострению противоречий в стране⁷) посол спросил у председателя Реввоенсовета (РВС) РСФСР Л.Д. Троцкого о пожеланиях и целях России в отношении Германии «в связи с военным давлением Франции против нас». Троцкий ответил: всё зависит от поведения Германии в случае нападения Франции, если Польша по указанию Франции захватит Силезию, то «мы... вмешаемся». Брокдорф-Ранцау в письме министру иностранных дел Ф. Розенбергу от 23 декабря 1922 года расценил заяв-

ление Троцкого как политический успех Германии⁸.

Оккупация Рура в январе 1923 года ввергла Центральную Европу в военно-политический кризис. В Берлин поступала информация о возможном франко-польском выступлении против Германии, что заставило её обратиться за помощью к СССР. 15 января член Президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ) К.Б. Радек информировал Сталина о своей и полпреда в Берлине Н.Н. Крестинского встрече с Сектом: «Главком спрашивал нас, как будет реагировать Совроссия на германо-польскую войну». Радек считал, что СССР не должен связывать себя конкретными обещаниями⁹.

Политику Советского Союза в Центральной Европе определило решение Политбюро ЦК РКП(б) от 18 января 1923 года: «Поручить РВСР (Реввоенсовету республики. — **В.З.**) в срочном порядке разработать план... сосредоточения необходимых сил на западном фронте». «Известиям» и «Правде» было предписано напечатать статьи о польских авантюристах, готовивших нападение на Германию, Крестинскому — выяснить политику Германии в связи с занятием Рура и возможностью выступления Польши¹⁰.

В феврале 1923 года в Москве прошли переговоры делегаций РВС СССР во главе с зампредседателя Э.М. Скланским и министерства рейхсвера во главе с генерал-майором О. Хассе, начальником войскового управления, которое представляло собой закамуфлированный, формально переставший существовать германский генеральный штаб. Они обсуждали возможности совместных военных действий против Польши, немецких военных поставок и финансовой помощи оборонным заводам СССР¹¹. После переговоров Брокдорф-Ранцау спросил Чичерина о реакции России в случае оккупации Польшей части немецкой территории. Нарком уклонился от прямого ответа, отметив, что «наши силы едва ли достаточны, и неизвестно, как от-

несутся к Красной армии в Германии в случае её там появления»¹². Посол сообщил Куно в письме от 21 марта и о другом заявлении Чичерина: «Дружественные отношения германского и русского правительств важнее революционного взрыва»¹³.

Немецкие дипломаты поддерживали прагматиков в руководстве НКВД. В мае в германском посольстве в Москве состоялась беседа члена коллегии НКВД А.А. Штанге с экс-министром иностранных дел Веймарской республики А. Кёстером, заявившим, что «правильной целью внешней политики Германии было бы сближение с Россией... проводить эту политику нам (социал-демократам. — **В.З.**)... мешают партийные разногласия с коммунистами, которые в Германии как бы монополизировали право говорить от имени России»¹⁴. Например, газета Компартии Германии «Die Rote Fahne» 22 апреля 1923 года опубликовала статью «Bereitschaft im Osten» («Готовность на Востоке») о подготовке СССР к наступательной войне: «как солонину растопчет русская армия польскую стену». Её автор сообщал о том, что якобы присутствовал на «конфиденциальном совещании», проведённом командующим Западным фронтом М.Н. Тухачевским¹⁵.

Германское посольство на основании разговоров с Чичериным констатировало советские «успехи “континентальной” ориентации, рассчитанной на... сближение с Германией», обращая внимание на то, что идея «континентального блока» заимствована наркомом у министра финансов Российской империи С.Ю. Витте¹⁶.

Позднее Чичерин говорил, что Рапалло предполагало обмен мнениями с Германией о «политической линии обоих правительств, причём, пока жив был Ратенау (министр иностранных дел Германии в 1922 г. — **В.З.**), я с ним это делал; после его смерти Вирт (рейхсканцлер Германии в 1921—1922 гг. — **В.З.**) хотел продолжить это, но он был слишком завален работой, а

РОССИЯ И МАЛЬТИЙСКИЙ ОРДЕН В 1697—1817 гг.

Аннотация. На основе архивных материалов автор освещает основные вехи двусторонних связей России и Мальтийского ордена и наиболее значимых их участников.

Ключевые слова: Российская империя; Мальтийский орден; Пётр I; Екатерина II; Павел I.

Summary. On the basis of archival materials, the author highlights the major milestones of the bilateral relations between Russia and the Malthusian order and their most important participants.

Keywords: Russian Empire; Malthusian order; Pyotr I; Yekaterina II; Pavel I.

ОПИСАНИЯ взаимоотношений России с католическим духовно-рыцарским Орденом Св. Иоанна Иерусалимского, который стал называться также Мальтийским после того, как в 1530 году получил от императора Карла V во владение остров Мальта, даже в научной литературе овеяны мистической дымкой и часто изобилуют неточностями. Это объяснимо легендами, связанными с рыцарями, и сложной личностью «романтического императора» Павла I, при котором отношения нашей страны и ордена достигли наивысшего расцвета. Анализ архивных документов, прежде всего материалов Архива внешней политики Российской империи, позволяет определить основные вехи двусторонних связей и наиболее значимых их участников.

Первым российским путешественником, побывавшим на Мальте и встречавшимся с великим магистром (гроссмейстером) Мальтийского ордена в июле 1697 года, был стольник П.А. Толстой. Однако начало отношений России и ордена традиционно связывают с посещением острова боярином Б.П. Шереметевым, когда состоялся первый обмен грамотами. На аудиенции 14 мая 1698 года Шереметев вручил великому магистру Р. Переллосу грамоту Петра I. В ней сообщалось о заключении союза «с цесарем и венецианами противу турок». В ответной грамоте от 18 мая* великий магистр поздравил русского царя со славными победами и выразил готовность мальтийских рыцарей вместе с российскими войсками «везде поирать врагов имени Христова»¹. Боярину Шереметеву был пожалован золотой освящённый мальтийский крест с бриллиантами и выдана грамота, подтверждавшая право ношения этой награды.

В 1720 году Пётр I получил грамоту великого магистра Зондари, 22 июня сообщавшего о своём избрании на этот пост. Он писал, что мальтийские рыцари, «усмотря обеих сторон наших пользу», готовы к услугам Петра, и выражал надежду, что Россия не оставит их в «протекции и благоволении»². В ответной грамоте от 5 ноября 1721 года российский монарх отметил, что «благодаря своим... услугам» рыцари обязали его к «совершенной всегда склонности, доброжелательству и протекции». Пётр I высказал также намерение продолжать переписку³.

Отношения между Россией и Мальтийским орденом ограничивались поддержанием «доброй корреспонденции» вплоть до восшествия на престол Екатерины II. Исключение составляет, пожалуй, визит в Петербург в 1748 году посланника ордена в Варшаве, одного из самых блестящих его дипломатов, энциклопедически образованного выходца из Вероны балли** М. Саграмосо, связанный, как предполагают некоторые исследователи, с интересами ордена в Польше. Он был благосклонно встречен в российской столице, принят императрицей Елизаветой Петровной. В её указе от 30 июня 1748 года говорилось о выдаче денег капитану Полянскому, сопровождавшему кавалера Мальтийского ордена, для осмотра «куриозных мест» Петербурга⁴. В декабре того же года великий магистр Э. Пинто поблагодарил Елизавету Петровну за приём, оказанный его представителю.

В 60-е годы XVIII века Екатерина II направила морских офицеров на Мальту для прохождения практики в навигации. На кораблях ордена хорошо зарекомендовали себя российские офицеры Селифонтов, Скуратов, Мосолов, Коковцев. Прекрасные

характеристики им дал великий магистр Э. Пинто в письме императрице от 11 апреля 1769 года⁵. Екатерина II поблагодарила за внимание к её подданным.

Важные события в русско-мальтийских отношениях произошли во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. — стороны назначили официальных представителей. В январе 1770 года на Мальту в качестве российского поверенного в делах прибыл маркиз Кавалькабо. В инструкции ему первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел граф Н.И. Панин 19 июля 1769 года чётко сформулировал задачи императорского представителя. Поверенный в делах должен был вручить гроссмейстеру два письма Екатерины II и стараться склонить его к вооружённому содействию России против Турции. Панин отметил, что орден на Мальте в Средиземном море доступен для нападений турок и, кроме того, «в обетах своих объявил вечную войну неверным», поэтому заинтересован и обязан использовать любую возможность для нанесения им вреда. Кавалькабо предписывалось поддерживать эти намерения ордена и «извлечь наибольшую выгоду для поддержки действий эскадры Её Императорского Величества»⁶.

В ходе аудиенции российский поверенный в делах передал Пинто письма императрицы от 18 июля 1769 года. В первом из них Екатерина II поблагодарила великого магистра за «дружеский и ласковый приём», оказанный на Мальте российским морским офицерам. Второе письмо несло основную политическую нагрузку. «Настоящее моё дело с вечным неприятелем святого креста необходимо должноствовало с самого своего начатия привлечь на себя внимание и участие всего христианства... Полагаюсь я, — писала императрица, — наипаче на расположение Вашего Ордена, который установлен ради защищения веры и клятвою обязан

* Даты документов приводятся по подлинникам, составленным в России, — по старому стилю.

** Должность балли по старшинству следовала за великим приюром — вторым после великого магистра должностным лицом Мальтийского ордена.

«ШИРОКИЕ ГРАБЛИ» ПРОТИВ УПА

Аннотация. В статье рассказывается о вооружённой борьбе чехословацкой армии и органов безопасности против банд украинских националистов на территории Словакии в 1945–1947 гг.

Ключевые слова: ОУН; УПА; «Кармелюк»; особая группа «Сталь».

Summary. The article tells about the armed struggle of the Czechoslovakian army and security forces against the gangs of Ukrainian nationalists in Slovakia in 1945–1947.

Keywords: Organization of ukrainian nationalists (OUN); UPA; "Karmelyuk"; special group "Steel".

ПОНАЧАЛУ в Чехословацкой республике (ЧСР) об Организации украинских националистов (ОУН) знали очень мало, хотя они после 1945 года тесно сотрудничали в ЧСР с нацистским подпольем (организации Wehrwolf, Guttenberg, Zeppelin), а также имели на территории страны собственную разведывательно-курьерскую сеть, главной задачей которой было поддержание постоянной связи между отрядами бандеровцев в СССР и Польше и руководством ОУН в Мюнхене.

Самые крупные части Украинской повстанческой армии (УПА), к которым присоединились остатки разбитой Красной армией дивизии СС «Галичина», сосредоточились в 1945 году в Юго-Восточной Польше¹, откуда стали совершать рейды в Словакию. В августе и сентябре националисты появились в районе перевала Дуклы. Бандеровцы грабили местное население и убивали активистов компартии и евреев. В ответ части молодой чехословацкой армии и силы госбезопасности провели массовую зачистку местности в районе Бардейов². Но в ноябре—декабре 1945 года бандеровцы перешли польско-чехословацкую границу уже крупными силами (сотни³ УПА «Бровско», «Кармелюк», «Мирон», «Сокол», «Периг» и др. — всего более 500 человек), и от их рук в Словакии погибли 18 мирных жителей. На некоторые деревни (Колбасов, Новоседлице, Улич и

Збой) националисты нападали по несколько раз, и люди стали в панике покидать свои дома. Отмечались случаи изнасилований. В Колбасове были расстреляны 11 евреев. Бандеровцы планировали также захватить лагерь с немецкими военнопленными в Кисаке, чтобы включить их в свои ряды.

Бандеровцы утверждали, что их рейды в Словакию носят пропагандистский антикоммунистический характер. Оуновцы даже пытались устраивать в словацких деревнях танцы и политбеседы, а также распространяли антисоветскую литературу, причём листовки печатались на словацком языке.

Иногда командиры отрядов ОУН заранее являлись в полицейские участки и предупреждали о намеченной на вечер «лекции», обязываясь воздерживаться от насилия в отношении местного населения. С. Бандера писал в инструкции подразделениям УПА, что надо рассказывать «западным народам» всю правду об СССР, а то они-де питаются слишком тенденциозной информацией. Оуновцы на лекциях часто пугали словачков грядущей войной между СССР и США, которую «москаль», конечно же, проиграют.

В указаниях штаба УПА говорилось, что среди словацкого населения следует прежде всего опираться на демократов, т.е. членов демократической партии⁴, и католиков и подрывать авторитет народно-демократического строя, установившегося в ЧСР⁵.

14 декабря 1945 года президиум правительства ЧСР поручил министру национальной обороны генералу армии Людвигу Свободе усилить гарнизоны в Словакии, а министру иностранных дел Яну Масарику (сын первого президента ЧСР Томаша Масарика) — договориться с СССР и Польшей о координации действий против бандеровцев.

Все чехословацкие армейские подразделения, воевавшие с

бандеровцами (примерно 2500 человек), свели в отдельную оперативную часть под названием Группа обеспечения пограничной территории. Командование группой осуществлял командир 4-й дивизии чехословацкой армии Ян Сланек. Предпринятые меры заставили бандеровцев вернуться в конце 1945 года в Польшу⁶, однако в апреле 1946 года части УПА, отступая к границе под натиском польских войск, снова проникли на территорию Чехословакии. Акцией руководил командир отряда УПА «Рен» — Василь Мизерный, близкий соратник Бандеры, до войны участвовавший вместе с ним в убийстве министра внутренних дел Польши Перацкого.

Бандеровцы пытались масштабной агитацией организовать в Словакии антикоммунистическое партизанское движение с участием бывших членов клерикально-фашистской Словацкой народной партии А. Глинки, распущенной 1 сентября 1944 года решением Словацкого национального совета.

УПА, апеллируя к словакам, распространяла листовки «За Бога, народ и доктора Тисо»⁷ и «Против чешской оккупации». Были листовки и на чешском языке — для солдат чешской национальности, где чехам раскрывали глаза на «коммунистический заговор в Праге»⁸. Всего украинские националисты провели митинги и политбеседы в 106 населённых пунктах Словакии, расположенных в 10 районах. Командование УПА оценило рейд как успешный. Бандеровцы не потеряли ни одного человека убитыми, лишь несколько бойцов УПА были ранены или пропали без вести (возможно, просто дезертировали).

Примечательно, что масштабное нападение УПА на Чехословакию произошло в завершающий период предвыборной кампании (парламентские выборы в ЧСР были намечены на 25 мая 1946 г.), и бандеровцы угрозами «убеждали» словаков не голосовать за компартию⁹. Воодушевлённые результатами, командование УПА решило сделать Словакию постоянной базой для отдыха своих войск, изрядно потрепанных советскими и польскими войсками.

Бандеровцы в Словакии

«ЗЕЛО НУЖНО, ДАБЫ ОФИЦЕРЫ ЗНАЛИ ИНЖЕНЕРСТВО»

Аннотация. В статье рассматривается применение в боевой обстановке таких средств защиты, как фашины, габионы и туры, прослеживается их эволюция с XV века до современности.

Ключевые слова: туры; габионы; фашины; фортификация; С. Вобан; габионы «Редут».

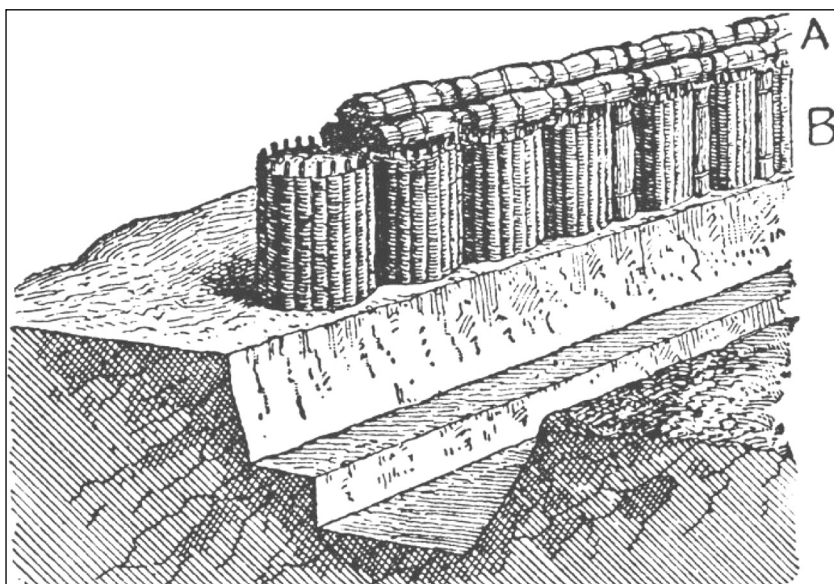
Summary. The article discusses the combat use of such means of protection as fascines and gabions, traces their evolution since the XV century to the present.

Keywords: gabions; fascines; fortification; S. Vauban; gabions "Redoubt."

ИСТОРИЯ военного дела и военной техники в значительной мере определяется многовековым соревнованием средств защиты и средств нападения, образно говоря, щита и меча (брони и снаряда и т.п.). При этом имеется немало примеров тому, когда идея, казалось бы, отошедшая в прошлое, возрождается на новом техническом и технологическом уровне. Ярким примером этому может служить эволюция защитных приспособлений, представляющих собой ёмкости, заполненные грунтом (землёй, песком, камнями). Их широкое применение начинается на рубеже XV—XVI вв., когда развитие в странах Европы артиллерии привело к коренным изменениям в фортификации. Каменные стены крепостей теперь уже не могли служить безусловной защитой. На помощь приходят земляные, каменно- и деревоземляные оборонительные сооружения, постепенно превратившиеся в так называемую бастионную систему укреплений. «Ударам пушечных ядер, — писал видный французский историк фортификации Э.Э. Виолле-ле-Дюк, — нужно противопоставлять защитные средства большей мощности и при этом достаточно простые, чтобы они не мешали обслуживанию орудий, а в случае нужды могли быть легко и быстро заменены»¹.

Изменяется и полевая фортификация, особенно связанная с защитой войск, ведущих осаду. Чтобы укрыться от артиллерийского и ружейного огня защитников крепости, осаждающие вынуждены насыпать вокруг своего лагеря и батарей земляные валы, копать траншеи, делать подкопы к стенам крепости.

Однако рытьё рвов и возведение валов занимало много времени и требовало немалых усилий. Возникла идея как бы де-

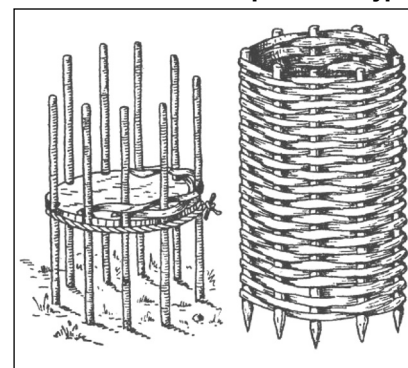
Траншея, защищённая рядом туров, покрытых фашинами

лать рвы поверх земли. Одним из простых и эффективных приспособлений для решения данных фортификационных задач стали круглые бездонные, сплетённые из прутьёв, корзины, которые устанавливались на позициях и наполнялись землёй. В России за ними закрепилось наименование «туры» (от французского «tour» — башня), а в странах Западной Европы, в том числе в самой Франции, их чаще называли габионами (от итальянского «gabbione» — клетка). Установить и засыпать туры можно было гораздо легче и быстрее, чем построить уходящее в грунт собственное земляное укрепление. К тому же тур, выбитый, например, неприятельским ядром, легко заменялся новым. Более того, сапёры использовали тур как подвижное прикрытие: положив горизонтально и наполнив его вместо земли хворостом или шерстью, тур катили впереди возводимой траншеи с помощью специальных крюков.

Кроме туров, активно применялись также наполненные зем-

лём мешки и фашины. Мешки с землёй или песком в качестве строительного материала появились в глубокой древности. Так, персы ещё в IV—V вв. возводили из них в пустынной местности целые укрепления. Чрезвычайно древнюю историю имели и фашины — связки прутьев. В период Античности и Средневековья фашины использовались для решения различных строительных задач, в частности для заполнения рвов. Теперь фашины и мешки стали активно вклю-

Устройство тура

«ВЫБОР ЭТОГО ГОРОДА ОТВЕЧАЛ ВСЕМ СТРАТЕГИЧЕСКИМ СООБРАЖЕНИЯМ»

Аннотация. В статье кратко рассказывается о создании и функционировании в г. Казани пушечного двора и арсенала в XVIII—XIX вв.

Ключевые слова: арсенал; Казанский кремль; Артиллерийский департамент.

Summary. The article briefly describes establishment and operation in Kazan' of the cannon yard and arsenal in the XVIII—XIX centuries.

Keywords: arsenal; Kazan' Kremlin; Artillery department.

Казанский кремль на протяжении всей своей многовековой истории оставался военно-оборонительным центром Средневолжского региона. И даже когда его роль как крепости на восточных рубежах страны заметно ослабла, здесь оставались гарнизон, военные учреждения и заведения. Важность кремля как оборонительного сооружения для центральных властей была продемонстрирована в конце XVIII века, когда, взяв город, войска Пугачёва так и не смогли овладеть его цитаделью. Вот почему сосредоточение здесь военных учреждений и заведений в XVIII и даже в начале XX века выглядит вполне логичным.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ Пушечного двора в Казанском кремле относится к концу XVII века. Он располагался в северо-западной части крепости: здесь в трёх зданиях размещались кузницы, литейные мастерские, медеплавильные печи, склады и так называемый приказ, выполнявший административно-технические функции, а также литейные амбары и столярные мастерские. Пушечные дворы в отличие от литейных заводов, производивших чугунные орудия для крепостей, отливали медные пушки для полевой артиллерии. В 1711 году была отлита одна из первых пушек из меди, добытой в Казанской губернии. Интересная деталь — в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится пушка, на казённой части которой сохранилась литая надпись: «Пушка полковая, ядром по калибру 3 фунта веса, лита при державнейшем монархе, царе и великом князе Петре Алексеевиче всероссийском императоре при бытности в Казани ближнего боярина казанского и астраханского Петра Матвеевича Апраксина в лето от сотворения 7219, от рождества же слова божия 1711 апреля»¹.

Вопрос о количестве пушек, отлитых в Казанском кремле в этот период, остаётся открытым. Из-за нехватки сырья и трудоёмкости выполнения работ производство шло неравномерно, увеличиваясь по мере открытия в

регионе новых медеплавильных заводов. Так, в 1749 году в верховьях реки Меша, в 20 верстах к востоку от села Богатые Сабы, был основан медеплавильный завод, существовавший до 1874 года, а в 1763 году открыт Пыжманский завод казанского купца Кобелева. Тогда же основан и Варзино-Алексеевский завод помещика Тевкелёва. В целом подобных предприятий насчитывалось около двадцати.

С ростом изготовления пушек требовалось и расширение производственных площадей, поэтому под пушечный двор пришлось приспособить территорию сгоревшего во время пожа-

ров 1742 и 1749 гг. Троице-Сергиевского монастыря, располагавшегося в Кремле. В итоге главный корпус двора потребовал перестройки, что и выполнили по плану архитектора В.И. Кафтырева в 1768 году.

Создание в Казани на базе пушечного двора собственного арсенала² можно отнести к началу Отечественной войны 1812 года, на что высочайшим повелением выделялась сумма в размере 600 тыс. рублей ассигнациями. Говоря о выборе места для арсенала, казанский историк Н.К. Баженов отмечал: «Выбор этого города отвечал всем стратегическим соображениям. С одной стороны — Казань, составляя средоточие сибирских дорог, в стороне лесистой, есть тоже центр, между родиною металлов — Сибирью и западной Россией; но с другой — она расположена близ Волги, дающей возможность удобной доставки материалов на судах, а особенно во время весеннего половодья, когда все необходимые матери-

Русские пушкар XVI в.

«МНОГИЕ МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ БЫЛИ ВЫРВАНЫ ВОЙНОЙ ИЗ ПРИВЫЧНОЙ ДЛЯ НИХ ОБСТАНОВКИ»

Чехословацкий корпус и военнопленные
Первой мировой войны на территории России

Аннотация. В статье исследуется участие военнопленных, оказавшихся в ходе боевых действий 1914–1918 гг. на территории нашей страны, в Гражданской войне.

Ключевые слова: Первая мировая война; Сибирь и Дальний Восток; Чехословацкий корпус; Гражданская война; национальные формирования; интернационалисты.

Summary. This article examines participation of prisoners of war found to be in the fighting of 1914–1918 in our country, in the Civil War.

Keywords: World War I; Siberia and the Far East; Czechoslovak corps; Civil war; national units; internationalists.

Подробности пребывания в России чехословаков, поднявших мятеж в 1918 году, и иностранцев, пленённых русской армией в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и находившихся в российских лагерях, в частности в Сибири, для историков почему-то самостоятельной темой не являлись. Многие исследователи не брались за неё даже в рамках проблем, посвящённых собственно иностранным военнопленным, в том числе и «чехословацким политическим организациям и воинским формированиям в России». Впрочем, обстоятельные отечественные публикации по истории Чехословацкого корпуса и участия зарубежных интернационалистов-военнопленных в революционных событиях, происходивших в нашей стране в годы как Первой мировой¹, так и Гражданской² войн, появились лишь в 60–80-х годах XX века, когда советские учёные получили возможность использовать материалы зарубежных архивов³. Ряд работ связан с Октябрьской революцией, увлёкшей иноземных граждан⁴. Например, в коллективной монографии «Интернационалисты»⁵ освещаются некоторые особенности их деятельности на Урале и в Сибири, создание ими объединений в городах, борьба против мятежа белочехов, участие в большевистском подполье — партизанском движении, работа среди интервентов и белогвардейцев, труд при восстановлении народного хозяйства⁶. Эта проблема частично нашла своё отражение в ряде других монографий, книг, научных статей⁷, защищённых диссертаций⁸.

По мнению одного из исследователей, «историческая наука на сегодняшний день не располагает самостоятельным научным комплексным исследованием проблемы формирования и участия Чехословацкого корпуса в России»⁹. Другие современные авторы справедливо считают, что изучение «российского периода» истории этого формирования необходимо для понимания соотношения в событиях Гражданской войны ролей местных антибольшевистских сил и сил иностранных интервентов, а также для оценки степени самостоятельности последних¹⁰.

ВОЕННЫЙ плен Первой мировой войны передвинул и перемешал целые слои населения различных стран. Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки. По воле «исторического случая» их «перенесли» в незнакомую им ранее среду других наций. К примеру, на нашей территории подавляющее большинство военнопленных являлись подданными Германии и Австро-Венгрии. Согласно данным, собранным представителями Международного общества Красного Креста, деятельность которых не прерывалась на протяжении всего периода пребывания пленных в России, при непосредственном обследовании лагерей и других соответствующих мест, в русском плену находились 2 342 378 солдат и офицеров¹¹. Для того чтобы представить их национальный состав, следует заметить, что в период Первой мировой войны сре-

ди находившихся на действительной военной службе в вооружённых силах Австро-Венгерской монархии около 25 проц. были австрийцы и немцы, 23 — венгры, 13 — чехи, 4 — словаки, 9 — сербы и хорваты, 2 — словенцы, 3 — украинцы, 7 — румыны и 1 проц. — итальянцы¹². Разумеется, это соотношение не может быть механически перенесено на всех, поскольку побудительным мотивом при сдаче в плен зачастую являлись факторы национально-го порядка. Поэтому доля чехов, словаков, сербов, хорватов, словенцев, румын среди пленных была более высокой. Вместе с тем в связи с усиленной мобилизацией в австро-венгерские войска в 1915–1917 гг. мужского населения из аграрных районов монархии среди солдат и офицеров габсбургской армии несколько увеличился процент венгров, соответственно возросла и их численность в составе военнопленных¹³.

В соответствии с распоряжением Главного управления Генерального штаба русской армии в 1914 году немцев, австрийцев и венгров, считавшихся менее надёжными, чем пленные из числа славянских национальностей и румын, предпочитали размещать, как правило, за Уралом. В то же время пленных славян и румын содержали в европейской части России, где были различные лагеря «вместимостью» от 2000 до 10 000 человек; в Сибири устраивались более крупные, в которых одновременно содержались до 35 тыс. военнопленных¹⁴. Всего в России к 1917 году насчитывалось более 400 лагерей военнопленных¹⁵. В соответствии с данными 5-го делопроизводства по части военнопленных Центропленбежа на 1 января 1918 года в Омском военном округе, например, числились 210 003 человека и 140 957 — в Иркутском¹⁶.

Примечательно, что царствующий дом Габсбургов относился

«ОТОСЛАН В АРМИЮ В ПОЛКИ»

Военные священнослужители—тверичи в XVIII веке

Аннотация. В статье с использованием архивных материалов Тверской епархии освещаются консисторные сведения о военном духовенстве XVIII в.

Ключевые слова: военное духовенство; Тверские консистории; церковные чины; биографии армейских и флотских священников.

Summary. This article, using archival materials of the Tver' diocese, covers the consistory information about the military clergy in the XVIII century.

Keywords: military clergy; Tver' consistories; church ranks; biographies of army and naval priests.

МНОГИЕ подробности о военном духовенстве России содержатся в капитальных работах, однако они в большей мере освещают организационные вопросы, сущность законодательных актов, участие священнослужителей в тех или иных военных кампаниях и т.п.¹ Гораздо менее изученными остаются персональный состав клириков*, значившихся в воинских частях, их родословная, факты гражданского и воинского служения. Чрезвычайно важным, исправляющим эту диспропорцию, стало появление обстоятельного справочника, в котором собраны данные о лицах духовного звания, проходивших службу в военном ведомстве в конце XIX — начале XX века². Вместе с тем в представленных в нём специальных работах сведения о военных священно-церковнослужителях других периодов представлены лишь фрагментарно. Более того, автор труда отмечает, что «совершенно не исследована история военного духовенства 1725—1800 гг.»³.

Традиционным источником истории военного духовенства являются фонды Российского государственного архива (для XVIII в. — канцелярии Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода; для более позднего периода — документы Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства)⁴. Но нельзя оставлять без внимания архивные свидетельства местных духовных учреждений, к примеру, материалы Тверской епархии**. Основное место среди них занимает делопроизводственная документация духовной консистории***, включающая дела о назначениях, перемещениях клириков, рукоположении в сан и др.⁵

Примечательны факты из биографии священника Никольской

на Зверинце церкви Твери Василия Афанасьева, определённого в 1750 году для служения в Пермский драгунский полк вместо Павла Лавровского, постриженного в монашество и ставшего иеромонахом в Селижаровом монастыре⁶. Из материалов дела, сформированного в консистории, видно, что Василий являлся сыном пономаря Воскресенского собора Кашина и в 1742 году был рукоположен в сан диакона к Преображенскому кафедральному собору, а через семь лет — в сан священника к Никольской церкви. Правда, вскоре после перевода в армию, он ходатайствовал о возвращении в Тверь⁷.

В 1759 году один из диаконов епархии подал прошение в Тверскую духовную консисторию, в котором заявил о своём желании быть рукоположенным в сан священника к Покровской церкви Ржева, и сообщив, что прежний «вдовый» священник этой церкви Иван Иванов «отослан в армию в полки»⁸. Другие документы показывают, что Иван носил фамилию Попов, а его предки несколько поколений служили при той же Покровской церкви: отец — дьячком, дед — диаконом, прадед — священником. Сам же Иван женился на дочери священника, «в школах не был», с 1744-го служил при Покровской церкви дьячком, с 1749-го — диаконом и с 1756-го — священником⁹.

В другом деле, сформированном в консистории, сохранились сведения о том, что в 1762 году к Екатерининской церкви Ржева был определён армейский священник (место служения не названо) Иван Васильев, уже через год переведённый в село Дягунино Старицкого уезда¹⁰. Десять лет спустя в консисторию было подано прошение священника Великолуцкого пехотного полка Михаила Иванова. Он извещал, что в армию был определён «по вдовству» в 1760 году, а ранее служил при Вознесенской за Волгой церкви Твери. Одновременно ходатайствовал о возвращении в Тверь и назначении на ме-

сто настоятеля к Екатерининской церкви¹¹. Другие документы позволяют установить, что он с 1749 года служил пономарём Екатерининской церкви, а через десять лет был рукоположен в сан священника к Вознесенской церкви. Его отец, Иван Андреев, последовательно был дьячком, диаконом, священником Екатерининской церкви; там же служили все их предки и родственники (первый известный представитель рода — священник Кирилл Григорьев; упоминается в 1677 г.)¹².

Ещё одно консисторское дело связано с известной фигурой среди русского военного духовенства XVIII века — Лукианом Федотовым. В 1774-м, будучи протодиаконом Преображенского кафедрального собора Твери, он просил об увольнении его от должности «для определения во священника» к собору лейб-гвардии Преображенского полка¹³. Его отец, Федот Андреев, служил протоиереем Тверского собора, дядя (там же) — ключарём, родной брат — священником, а двоюродный брат — протодиаконом¹⁴. За службу при полковом соборе Лукиан Федотов был награждён саном протоиерея и в 1798 году удостоен в числе четырёх представителей белого духовенства****, «яко знатнейших пред прочим духовенством», высшей награды, доступной для клириков, — митры¹⁵.

В 1779 году священник Преображенской церкви Ржева Степан Сергеев ходатайствовал о рукоположении на своё место сына — дьячка городского собора. При этом проситель сообщал, что в 1740—1750 гг. служил настоятелем храма в селе Спасском Зубцовского уезда, а в 1758-м был назначен священником Тверского драгунского полка. Спустя четыре года он был определён к ржевской церкви¹⁶.

Об определении к Никитской церкви Твери просил (1780 г.) состоявший ранее среди армей-

* Священнослужитель, церковнослужитель.

** Епархия — церковно-административная территориальная единица.

*** Консистория духовная — орган церковного управления, ведавший делами епархии.

**** Вместе с Лукианом эту награду вручили двум протопресвитерам московских соборов и кафедральному протоиерею Киева.

«ГОЛОД, РАЗРУХА, ВОССТАНИЕ ИМУЩИХ КЛАССОВ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ИНОЗЕМНЫЕ РАЗБОЙНИКИ — С ДРУГОЙ...»

Партийные мобилизации в Красную армию в 1918—1920 гг.
(по архивным документам Вятской губернии)

Аннотация. В статье освещаются мероприятия по мобилизации вятских коммунистов в Красную армию в ходе Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война; Красная армия; военная мобилизация; кадровая политика; Вятская губерния.

Summary. The article highlights the mobilization activities of Vyatka communists in the Red army during the Civil war.

Keywords: Civil war; Red army; military mobilization; personnel policy; Vyatka province.

ПОСЛЕ установления советской власти призывы коммунистов в формируемую Красную армию были острой необходимостью в связи с началом Гражданской войны и иностранной интервенции. Мобилизации проводились двух родов — массовые и персональные. Первые, как правило, объявлялись по решению Центрального комитета партии большевиков (ЦК РКП(б)) и сразу давали фронту тысячи бойцов, которые немедленно вливались в воинские подразделения. На местах такие мероприятия проводились под руководством губернских партийных комитетов, а в случае возникновения военной опасности в регионе могли объявляться по их собственной инициативе. Персональные мобилизации, по которым в Красную армию направлялись коммунисты, имевшие опыт руководящей работы, способные занять должности комиссаров, командиров, агитаторов, возглавить органы снабжения, также осуществлялись по постановлению ЦК РКП(б)¹.

Первая общепартийная военная мобилизация была объявлена в июле 1918 года в связи с тяжёлым положением на Восточном фронте. Хотя вятчей она и не коснулась, но решением местной губернской партийной конференции все коммунисты в возрасте от 18 до 40 лет были объявлены призванными в Красную армию и должны были обучаться военному делу. В резолюции конференции по текущему моменту говорилось: «Никогда еще положение РСФСР не было так тяжело, как в переживаемый исторический момент... Голод, разруха, восстание иму-

щих классов, с одной стороны, и иноземные разбойники — с другой жестоко раздирают обескровленное и измученное тело Российской республики»². Делегаты призвали «мобилизовать свои силы на борьбу с внешними и внутренними врагами Советского государства», «всемерно укреплять власть рабочих и крестьян»³.

2 августа губерния и её центр были объявлены на чрезвычайном положении, а от партийных организаций потребовали представить мобилизационные списки в соответствующие военные комиссариаты. Востребованными оказались и женщины-коммунистки, которые должны были обучаться санитарному делу.

В апреле 1919 года в связи с наступлением армии Колчака на Восточном фронте Вятская губерния стала прифронтовой. Всеобщая мобилизация, объявленная ЦК РКП(б), охватила 50 проц. местных коммунистов. Только за два месяца из Вятского, Уржумского, Яранского, Глазовского, Орловского уездов в армию ушли около 6000 человек. Правда, в их число в соответствии со статистикой той поры вошли также и сочувствовавшие большевикам⁴.

Массовые призывы, выкачивавшие человеческие ресурсы как из партийных организаций, так и из советских учреждений, до предела обострили кадровую проблему в регионе. По данным отдела народного образования Вятского губернского исполнительного комитета (ГИК), военные мобилизации, а также эпидемия сыпного тифа и апрельская эвакуация отдела

из г. Вятки (март—июнь 1919 г.) сократили число сотрудников со 103 до 48, то есть более чем на 53 проц.⁵ Непосредственно под ружьё были поставлены 15 штатных работников-коммунистов⁶.

Так, из земельного отдела губисполкома, где в апреле 1919 года было 6 коммунистов, призывали троих: заведующего лесным подотделом П.К. Кучумова, межевщика Г.П. Чудинова, землемера А.В. Голых⁷. Из-за значительного убийства на фронт депутатов Вятского горсовета были проведены довыборы в его состав⁸. Многие из мобилизованных являлись руководителями-организаторами⁹, причём записывались в войска добровольно (в апреле—мае 1919 г. из 388 призванных — 74 человека¹⁰; из 10 партийцев Куменской ячейки — 5)¹¹. В то же время наряду с добровольцами в советских учреждениях встречались и такие, кто любым способом пытался избежать фронта, даже покидая ряды партии¹². Именно так поступили члены Кикнурской ячейки милиционеры М.А. Шарыгин и А.М. Черных, заведующий подотделом Кикнурского земотдела Н.А. Окулов и писец исполкома А.Ф. Смутных. 28 апреля в с. Всехсвятском Ракаловской волости Слободского уезда состоялся волостной съезд Советов, на который прибыли 48 представителей с мест. При обсуждении вопроса о мобилизации советских работников от участников съезда «посыпались заявления об отказе от мобилизации»¹³.

В связи с поступлением из уездов сведений о многочисленных уклонениях от мобилизаций этот вопрос начиная с

«СТРАХ ПОСЕЩАЛ ЕГО РЕДКО, А РИСК БЫЛ ЕГО СТИХИЕЙ»

Аннотация. В статье рассказывается об одном из организаторов Белого движения на Кубани генерал-лейтенанте В.Л. Покровском, войска которого летом 1919 года участвовали во взятии Царицына и Камышина.

Ключевые слова: Вооружённые силы Юга России; 1-я Кубанская конная дивизия; Кавказская армия; Кубанская рада; В.Л. Покровский; А.И. Деникин; П.Н. Врангель; оборона Царицына.

Summary. The article tells about one of the organizers of the White movement in the Kuban, lieutenant-general V.L. Pokrovsky, whose troops in the summer of 1919 took part in the capture of Tsaritsyn and Kamyshin.

Keywords: Armed Forces of South Russia; 1st Kuban cavalry division; Caucasian army; Kuban rada; V.L. Pokrovsky; A.I. Denikin; P.N. Wrangel; defence of Tsaritsyn.

Писать совершенно объективно о людях типа В.Л. Покровского крайне сложно. С одной стороны, образ его зловещ и мрачен из-за крайней жестокости по отношению не только к пленным и населению, но и к собственным подчинённым, что сделало его фигуру одиозной даже в рядах Белого движения. С другой — пылливый ум, мощные организаторские способности, полководческий дар, бескомпромиссный патриотизм в борьбе за единую и неделимую Россию, что, кажется, и ныне не потеряло своей актуальности. Так кто же он, генерал Покровский? Отважный авантюрист, человек войны или идейный борец с советской властью? Пусть читатель сам сделает свой вывод.

В.Л. Покровский —
командир Кубанской
конной бригады

ВИКТОР Леонидович Покровский родился 14 сентября 1889 года¹ в Нижегородской губернии в дворянской семье. Окончил Одесский кадетский корпус, затем Павловское военное училище и в 1908 году в чине подпоручика прибыл в 10-й гренадерский Малороссийский генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полк, дислоцировавшийся в г. Владимире. Однако пылливой натуре молодого пехотного офицера на земле оказалось тесно. В 1910 году Покровский задумал стать авиатором создававшегося Императорского военно-воздушного флота. Оно окончил теоретические курсы авиации в Петербургском политехническом институте, а практические занятия по лётному делу проходил в Севастопольской авиашколе, где его и застала Первая мировая война. Успешно сдав экзамен на звание лётчика, Покровский был направлен в действующую армию, где с первых дней проявил себя как смелый авиатор, отлично вы-

полнявший воздушную разведку, а в случае необходимости — и воздушные бои.

В 1915 году, после того как он со своим наблюдателем сбил в воздушном бою самолёт противника, Покровский получает орден Св. Георгия 4-й степени — самую почётную боевую награду в российской офицерской среде. Вскоре имя героического поручика попадает на страницы газет и журналов, он приобретает популярность и новую должность — командира 12-го армейского авиационного отряда, дислоцирующегося в Риге. Почти ни одного дня не проходит без боевых вылетов. Личный состав несёт потери. Покровский в дополнение к прежним ранениям зарабатывает контузию, перелом двух рёбер и обморожение рук. А к наградам добавляются ордена Св. Станислава 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

В.Л. Покровский не принял Февральскую революцию, а уж тем более Октябрьскую. Будучи уверенным, что советская власть губительна для России, он решил бороться с ней с оружием в руках, для чего приехал в Екатеринодар.

Обстановка на Кубани, пожелавшей стать самостоятельной республикой, сложилась непростая. Новое правительство не имело никакой вооружённой силы; надежды на то, что её опорой станет возвращавшаяся с фронта солдатская масса, не оправдались. И тут проявил себя неизвестный на Кубани, не казак по происхождению и даже не кавалерист капитан Покровский. Энергичный двадцативосьмилетний офицер принялся за формирование отряда из добровольцев. Материальные субсидии предоставили городской Биржевой комитет и Союз кубанских хлеборобов². Добровольцы разоружили большевизированные воинские части и взяли под охрану атаманский дворец.

К 18 января 1918 года обстановка накалилась до предела. Революционный совет Новороссийска потребовал от Кубанской рады признать советскую власть, расформировать добровольческие отряды и выдать организаторов движения. Кубанцы не приняли ультиматума. Используя отказ как повод к началу военных действий, большевики двинулись на столицу края. 20 января белые добровольческие отряды выступили им навстречу.

Первое боестолкновение с красными произошло у разъезда Энем, где погиб войсковой старшина Галаев, и все силы белых объединились под началом Покровского. 27 января у станции Георгие-Афипской в ночном бою его отряд одержал сокрушительную победу над превосходящими силами противника, который, потеряв 14 орудий, 60 пулемётов и более 4000 человек убитыми, ра-

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА ОБ УЧАСТИИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904—1905 гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу первых публикаций по вопросу участия кубанских казаков в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Публикации основывались на документальных источниках и отражали официальную точку зрения Военного министерства.

Ключевые слова: Кубанское казачество; Русско-японская война; документы; источники; сборники; обзоры; летописи.

Summary. This article analyzes the first publications on the participation of the Kuban Cossacks in the Russian-Japanese War (1904–1905), which were based on documentary sources and reflected the official views of the War Ministry.

Keywords: Kuban cossacks; Russian-Japanese war; documents; sources; collections; reviews; records.

Русско-японскую войну 1904—1905 гг. по праву можно назвать не только трагическим, но и героическим событием отечественной истории. В ней проявились лучшие качества нашего воинства: мужество, самопожертвование, служение высоким идеалам. К сожалению, многие факты этого периода оказались незаслуженно забытыми, в частности героическое участие в войне кубанского казачества. Исправить сложившуюся ситуацию предлагают авторы данной статьи, введя в научный оборот полузабытые уникальные материалы, условно разделённые ими на три группы. Эти источники были опубликованы в период активной фазы боевых действий с японцами и в первые послевоенные годы.

В ПЕРВУЮ группу источников вошли обзоры военных действий, вышедшие в свет в ходе самого вооружённого противоборства России и Японии в официальных изданиях Военного министерства — в ежедневной газете «Русский инвалид» и ежемесячном журнале «Военный сборник» (его материалы основывались на источниках, помещённых на страницах этой газеты). Как правило, временной интервал журнальных публикаций охватывал события двух половин предшествующих месяцев, крайний день из которых не выходил за 15-е число. Исключение составил лишь первый «Обзор военных событий», опубликованный в апрельском выпуске «Военного сборника» за 1904 год и анализировавший события с 13 января по 12 марта¹. Именно в «Военном сборнике» в систематизированном и обобщённом виде был представлен весь ход военной кампании, в том числе и с участием формирований Кубанского казачьего войска (ККВ): 1-го Уманского и 1-го Екатеринодарского полков, шести пластунских батальонов 2-й очереди, 1-й Кубанской казачьей батареи. Вместе с тем значительная часть представленной инфор-

мации посвящена действиям Терско-Кубанского полка, младший командный состав которого в основном состоял из кубанских казаков. Данная часть, входившая в состав Кавказской конной бригады, оказалась на театре военных действий (ТВД) на много месяцев раньше других кубанских формирований и успела поучаствовать во многих известных сражениях. Всё это было отражено в опубликованных в «Военном сборнике» «высочайших приказах», официальных боевых сводках, телеграммах, донесениях и рапортах различных должностных лиц². Так, на страницах журнала было описано боестолкновение разъезда от Терско-Кубанского полка, воины которого в сражении 12 декабря 1904 года зарубили 17 японцев³, даны списки убитых и раненых в 1904—1905 гг. казачьих офицеров, сведения о безвозвратных потерях, в том числе со стороны кубанцев (представлены в официозе Военного министерства в конце 1907 — первой половине 1908 г.)⁴.

Рассматривались и малоисследованные аспекты участия кубанских казаков в Русско-японской войне, начиная с момента перевода на военное положение некоторых ча-

**Всадник
Терско-Кубанского полка
Д. Клянчев**

стей ККВ и создания новых соединений, приводились выдержки из приказов по военному ведомству о месте, сроках и ходе мобилизационных мероприятий для отдельно взятых кубанских полков, пластунских батальонов, казачьих батарей⁵. Например, описывая сам ход боевых действий с участием этих формирований, «Военный сборник» акцентировал внимание своих читателей на известных рейдах конного отряда генерал-адъютанта П.И. Мищенко в начале мая и в конце июля 1905 года⁶. Роль казаков 2-й пластунской бригады на завершающем этапе войны отмечена в журнале только общими упоминаниями о нахождении данного сое-